
СВЕРХЧЕЛОВѢКЪ (UBERMENSCH) НИЦШЕ И ЧЕЛОВѢКЪ ХРИСТА ¹⁾.

IV.

Обозрѣвая все вышензложенное нами, мы найдемъ, что вся философія Ницше, не смотря на свою афористичность и отсутствіе системы, имѣетъ одну тенденцію, одну цѣль— доказать необходимость явленія на землѣ *сверхчеловѣка*. Его крайнее недовольство современною культурою и общимъ социальнымъ строемъ, его рѣчи о господской и рабской морали; его критика альтруизма, ведущаго, по его мнѣнію, къ измельчанію и вырожденію человѣческой природы; его мечты о созданіи аристократическаго племени, имѣющаго главною и единственною своею цѣлю улучшение и образованіе высшаго типа человѣческой природы,—все это направлено къ тому, чтобы доказать и выяснить необходимость высшаго идеала, какой должно имѣть въ виду настоящее и грядущее человѣчество,—это образъ—*сверхчеловѣка*.—Но что такое этотъ сверхчеловѣкъ? Должно замѣтить, что для представленія сверхчеловѣка въ какомъ нибудь реальномъ образѣ философія Ницше не даетъ намъ ничего. Ибо что могутъ сказать намъ такія выраженія: „Я хочу показать людямъ смыслъ ихъ бытія; смыслъ есть сверхчеловѣкъ, молнія изъ темной тучи человѣка“ (Так. гов. Зар. стр. 16). Не много говорить и слѣдующее: „Я научу васъ познавать сверхчеловѣка. Человѣкъ есть нѣчто, что должно быть побѣждено“... „Что такое обезьяна для человѣка? Посмѣшище, или мучительный позоръ! И тѣмъ же самымъ долженъ быть чело-

¹⁾ Окончаніе. См. „Богосл. Вѣстникъ“, Іюль—Августъ, стр. 496—517.

вѣкъ для сверхчеловѣка: посмѣшищемъ или мучительнымъ позоромъ... Сверхчеловѣкъ есть разумъ земли. Да скажетъ ваша воля: пусть сверхчеловѣкъ будетъ разумомъ земли“ (ibid. стр. 6—7). Но чтобы имѣть болѣе ясное представленіе о сверхчеловѣкѣ, мы воспользуемся обычнымъ способомъ заключенія: отъ производителей мы заключимъ къ произведенію, отъ дерева къ его плодамъ, отъ родителей — къ ихъ дѣтищу, отъ лицъ особенныхъ, гениальныхъ, необыкновенныхъ—къ сверхчеловѣку, который является ихъ дѣтищемъ, результатомъ ихъ дѣятельности. Вѣдь этотъ родъ субъектовъ—тоже въ своемъ родѣ—„сверхчеловѣки“,—они по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ и своей практической дѣятельности должны стоять „по ту сторону добра и зла“ и оказаться выше всего того, что выработано прошлой и современной культурой. Итакъ, что же такое сверхчеловѣкъ по типу своихъ отцовъ?

Это есть существо, стоящее внѣ всякаго нравственнаго порядка, по „ту сторону добра и зла“, самодовлѣющее и потому не связанное никакими законами и обязанностями. Сверхчеловѣкъ дѣйствуетъ на основаніи однихъ только собственныхъ побужденій и инстинктовъ и повинуетъ велѣніямъ своей широкой натуры, все направляя къ единому основному своему влеченію—„жаждѣ власти“. При этомъ онъ не пренебрегаетъ никакими средствами для удовлетворенія своей необузданной натуры, не знающей покоя и довольства и потому ищущей всевозможныхъ препятствій и великихъ подвиговъ на поприщѣ добра и зла. Онъ не щадитъ въ извѣстныхъ случаяхъ ни себя, ни своихъ ближнихъ, въ отношеніяхъ къ которымъ онъ руководствуется не столько любовію, сколько ненасытною злобою, и которые для него существуютъ въ качествѣ матеріала, необходимаго для достиженія его великихъ цѣлей. Таковъ приблизительно образъ *сверхчеловѣка* Ницше. Нужно впрочемъ дополнить, что Ницше не лишаетъ своихъ избранниковъ способности къ добру, но послѣднее является у него не результатомъ сознанія долга и усиленной борьбы съ вражескими началами плоти и духа, но выливается какъ бы само собою, произвольно, инстинктивно. И все же господствующимъ началомъ признается зло,—къ нему направлены симпатіи Заратустры,—на него возлагается все его упованіе. „Человѣкъ золь“, такъ

говорили мнѣ въ утѣшеніе всѣ мудрѣйшіе. Ахъ, еслибы это было еще правдой! Ибо зло есть лучшая сила человѣка. „Человѣкъ долженъ стать и лучше и злѣе“, такъ учу я. Злѣйшее нужно для лучшаго въ сверхчеловѣкѣ. — Хорошо было для проповѣдника маленькихъ людей, что онъ страдалъ и несъ на себѣ человѣческой грѣхъ. Я же радуюсь великому грѣху, какъ своему величайшему *утѣшителю*“ (Такъ говор. Зарат. стр. 316).

Подобно всему, происходящему подъ луною, образъ „сверхчеловѣка“, какимъ онъ выясняется намъ у Ницше въ своихъ конечныхъ чертахъ, не блещетъ новизною. Онъ есть отрицатель и противникъ какъ личной нравственности, заключающейся въ укрощеніи влеченій нижней природы человѣка, такъ и дѣятельности, основанной на любви и самоотверженіи въ интересахъ своихъ ближнихъ. Но образъ этого злаго начала издревле предносился сознанію человѣчества. Ариманъ у Персовъ, Шива у Индусовъ, сатана по іудейскимъ и христіанскимъ понятіямъ—все это образы одного и того же злаго начала, неукротимаго, неудержимо дѣйствующаго противъ всякаго проявленія добра и положившаго свою цѣлю конечное его истребленіе, не гнушающагося при этомъ никакими средствами для достиженія этой цѣли.

Если мы изъ сферы религіозной перейдемъ въ область нашей обыденной жизни, то и здѣсь мы найдемъ типы, если не всецѣло, то тѣми или иными своими сторонами напоминающіе намъ образъ „сверхчеловѣка“. Самъ Ницше указываетъ на Цезаря Борджіа и Наполеона, какъ на яркихъ представителей того высшаго, идеальнаго типа—человѣка, какой предносился его воображенію. Но и помимо этихъ, указанныхъ имъ, историческихъ личностей, мы всюду—и въ государственной, и общественной, и даже семейной жизни—найдемъ многихъ, хотя и не вполне совершенныхъ представителей ницшенскаго идеала, дѣйствующихъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ „сверхчеловѣчески“. Обратимся, напр., къ своей собственной отечественной исторіи. Кто эти Пугачевы, и Стенки Разины, и всѣ прочіе подобные имъ, дѣлающіе вызовъ существующему порядку вещей, находя его ненормальнымъ, и пытающіеся достигнуть воображаемаго ими идеальнаго строя нелегальными средствами, отрицая всякаго рода законныя стѣсненія и полагая въ основу своей дѣятельно-

сти автономію своей воли? Это—своего рода „сверхчеловѣки“. Они правда не отрицають существованія добра и зла и не дѣлають бѣшеннаго полета по „ту ихъ сторону“, но они не прочь понимать эти добро и зло по *своему*, т. е. такъ, какъ это удобно будетъ имъ для оправданія своихъ вождѣлннй и поставленныхъ ими для себя цѣлей. Они „нѣтъ яко же прочіе человѣцы“; они стоятъ выше обыкновенныхъ понятій о законномъ и незаконномъ, добромъ и зломъ, и во имя того, что они чувствуютъ большее превосходство своихъ воззрѣній, они и дѣйствуютъ „сверхчеловѣчески“, прибѣгая къ средствамъ, какихъ никакая мораль и никакіе законы оправдать не могутъ. Но они стоятъ выше закона,—они—„сверхчеловѣки“.

Вспомнимъ, затѣмъ, мимошедшую темную, жестокою эпоху крѣпостнаго права и типы, какіе произрастали на этой почвѣ, мрачные типы субъектовъ, безконтрольно царившихъ въ своемъ уголкѣ надъ сотнями и даже тысячами человѣческихъ душъ, имѣвшихъ право жизни и смерти, низведшихъ ихъ до предметовъ купли и продажи и распоряжавшихся ихъ душою и тѣломъ по своему усмотрѣнію. Милліоны разумныхъ существъ были унижены до состоянія безсловесныхъ тварей для того, чтобы на хребтахъ ихъ было построено благополучіе сословія, члены котораго, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ своемъ, въ отношеніи къ своимъ крѣпостнымъ заявили себя людьми особой высшей породы, „сверхчеловѣками“.

Знакомъ этотъ типъ и нашей изящной литературѣ. Достоевскій, еще ранѣе Ницше, вывелъ героевъ, которые проповѣдуютъ ту же теорію нравственности. По справедливому замѣчанію одного нашего критика „самъ Ницше, весь обликъ его является какъ бы осуществленіемъ слѣдующаго предположенія, можно сказать, пророчества, того безыменнаго „порадоксалиста“, отъ лица котораго ведутся „Записки изъ подполья“. „Я нисколько не удивляюсь, если вдругъ, ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія, возникнетъ какой нибудь джентльменъ съ неблагогородной или, лучше сказать, ретроградной и насмѣшливой фізіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: „а что, господа, не столкнутъ ли намъ все это благоразуміе съ одного раза ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлю,

чтобы намъ опять по своей глупой волѣ пожить“. Это бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непременно послѣдователей найдеть.... И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормального, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непременно вообразили они, что человѣку надо непременно благоразумно выгоднаго хотѣнія? Человѣку надо только самостоятельнаго хотѣнія, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела“ (Н. К. Михайловскаго. Литературн. воспоминанія т. II. стр. 463). Иванъ Карамазовъ почти буквально предвѣщаетъ новую заповѣдь Ницше, что слѣдуетъ любить не ближняго, а дальняго, хотя у того и другаго это вытекало изъ разныхъ основаній: „Я никогда не могъ понять, говорилъ Иванъ Карамазовъ, какъ можно любить своихъ ближнихъ. Именно ближнихъ-то, по моему, и невозможно любить, а развѣ только дальнихъ“. (Достоевск. изд. Маркса. 1895 г. № 11, стр. 280).

Но особенно близко напоминаетъ идеи Ницше Раскольниковъ въ „Преступленіи и наказаніи“ своей теоріей о раздѣленіи людей на „необыкновенныхъ и обыкновенныхъ“. Здѣсь означенный герой развиваетъ мысль, „что человѣкъ „необыкновенный“ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть чрезъ инья препятствія, и единственно въ томъ только случаѣ, если исполненіе его идеи (иногда спасительной, можетъ быть, для всего человѣчества) того потребуетъ“. По мнѣнію героя, „если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ нибудь комбинацій, никоимъ образомъ не могли бы стать извѣстными людямъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣшавшихъ бы этому открытію, или ставшихъ бы на пути какъ препятствіе, то Ньютонъ имѣлъ бы право, и даже былъ бы.... обязанъ *устранить* этихъ десять, или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать извѣстными свои открытія всему человѣчеству“... Люди же „обыкновенные“, по теоріи Раскольникова, составляютъ, такъ сказать, матеріаль, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ.... Это люди консервативные, чинные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными, потому что это ихъ назначеніе, и тутъ рѣшительно нѣтъ ничего для нихъ унизительнаго. Второй разрядъ (т. е. люди „необыкновенные“), всѣ преступаютъ законъ, разрушители, или склонны къ тому, судя по

способностямъ. Преступленія этихъ людей, разумѣется, относительны и многообразны: большею частію они требуютъ, въ весьма разнообразныхъ заявленіяхъ, разрушенія настоящаго во имя лучшаго-будущаго. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и черезъ трупъ, черезъ кровь, то онъ внутри себя, по совѣсти, можетъ, по моему, дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь, — смотря, впрочемъ, по идеѣ и по размѣрамъ ея“... (Достоевск. изд. Маркса. 1895 г. № 9 стр. 256—257). Развѣ подобныя разсужденія выведеннаго героя не являются чуть не буквальный предвосхищеніемъ идей Ницше? Несомнѣнно, послѣдній подписался бы подъ ними обѣими руками.

Мы не станемъ раскрывать литературныхъ типовъ Островскаго изъ его „темнаго царства“. Мы только упомянемъ о нихъ для полноты картины; чтобы показать, что и въ ограниченной сферѣ *семейной* жизни могутъ являться также своего рода „сверхчеловѣки“ въ лицѣ разнаго рода Тить-Титычей, дающихъ по временамъ широкій просторъ своимъ дикимъ инстинктамъ ¹⁾).

Итакъ, повторимъ, образъ „сверхчеловѣка“ Ницше не новъ. И въ жизни и въ литературѣ, независимо отъ философіи Ницше, всегда на всѣхъ поприщахъ существовали своего рода „сверхчеловѣки“, которые слѣдовали лозунгу „все позволено“. Этотъ образъ только еще не былъ возведенъ въ теорію, принципъ, не былъ философски обоснованъ. Послѣднее сдѣлалъ Ницше. Въ этомъ именно и заключается наркомъ философіи Ницше, способный одурманить его послѣдователей и лишить ихъ способности—различать доброе и злое,—привить, такъ сказать, нравственный дальтонизмъ.

Но переходя къ болѣе близкому разсмотрѣнію и оцѣнкѣ философіи Ницше и его „сверхчеловѣка“, прежде всего спросимъ, возможно-ли такая оцѣнка? Вѣдь для того, чтобы безпристрастно судить о Ницше, намъ нужно вмѣстѣ съ нимъ сдѣлать своего рода *salto mortale*, поднять себя на

¹⁾ Вывода эти типы сверхчеловѣковъ изъ общественной жизни, мы, конечно, не думаемъ приравнивать ихъ въ *полной мѣрѣ* къ сверхчеловѣку Ницше. Мы склонны только утверждать, что *общая тенденція* ихъ одна и таже: это—самозаконіе, обращеніе своихъ ближнихъ, какъ существъ высшей породы, въ орудіе своихъ вождѣльнѣй, проведеніе въ своей жизни принципа: „все позволено“ и пр.

головокружительную высоту, стать (легко сказать!..) по „ту сторону добра и зла“. Повидимому такого полета не вынесъ и самъ Ницше, поплатившись за свою смѣлость потерей сознательной жизни. Но дѣйствительно ли философія Ницше зоветъ насъ на такіе невозможныя высоты? Припомнимъ, какъ глумился Ницше надъ „мечтающими о другомъ мірѣ“ и прислушаемся еще разъ къ рѣчамъ его Заратустры: „Моя наука научила меня новой гордости, которой я учу людей: не зарывать болѣе голову въ песокъ небесныхъ дѣлъ, а носить ее свободно, какъ принадлежащую землѣ и создающую смыслъ земли“. Слѣдовательно, мысль Заратустры, а съ нимъ и самого Ницше витаетъ не такъ высоко и далеко, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, и его приглашеніе, обращенное къ философу, стать „по ту сторону добра и зла“ имѣетъ какой нибудь особый смыслъ. Если далѣе мы припомнимъ себѣ образъ „сверхчеловѣка“, этотъ идеаль, къ которому должна стремиться, по мнѣнію Ницше, лучшая часть человѣчества, то мы найдемъ, что этотъ образъ не стоитъ на какой либо недостижимой высотѣ,—напротивъ онъ недалекъ отъ каждаго изъ насъ, и чтобы найти его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стать „по ту сторону добра и зла“, намъ не придется дѣлать какихъ нибудь усилій и невѣроятныхъ скачковъ. Для этого нужно только повернуться спиной ко всей прошлой и настоящей культурѣ и лежащимъ въ ея основѣ существующимъ нравственнымъ понятіямъ, извратить свой фокусъ зрѣнія, и то, что стояло прямо, повернуть ногами вверхъ,—и мы очутимся „по ту сторону добра и зла“. Девятнадцать слишкомъ вѣковъ звучала между людьми эта заповѣдь: „возлюби ближняго твоего“. Но по ученію Заратустры слѣдуетъ любить только дальняго. По отношенію же къ ближнему, вопреки ходячимъ заповѣдамъ: *не убій, не прелюбодѣйствуй, не воруй* и т. д. можно и даже должно дѣлать и то, и другое, и третье, если желаетъ этого твоя воля, или если это открываетъ путь къ „сверхчеловѣку“. Признано, что преступники—народъ вредный и являются врагами нравственнаго прогресса. Ницше напротивъ поетъ имъ гимнъ за богатство и цѣнность таящейся въ нихъ энергіи. Итакъ, по своему содержанію, идеаль „сверхчеловѣка“ вовсе не возвышается надъ предѣлами нашей грѣшной земли, но всецѣло получаетъ его изъ послѣдней. Поэтому, чтобы ближе

разсмотрѣть его, намъ нечего бояться какихъ либо невѣроятныхъ заоблачныхъ экскурсій, — мы можемъ достигнуть своей цѣли, такъ сказать, не двигаясь съ своего мѣста, вооружившись для болѣе яснаго разсмотрѣнія внутреннаго облика „сверхчеловѣка“ простыми обыкновенными очками.

Итакъ, всмотримся во внутреннее содержаніе „сверхчеловѣка“. Прежде всего намъ бросается въ глаза ограниченность той области, гдѣ возможно примѣненіе этого нравственнаго идеала. Онъ назначенъ не для всѣхъ людей, а только для нѣкоторыхъ, и достигнуть его могутъ не всѣ, а только избранные. Остальные являются только въ качествѣ крѣпостныхъ, простыхъ рабовъ, существующихъ лишь въ роли необходимаго матеріала для господъ, но самихъ по себѣ, совершенно неспособныхъ быть носителями идеи „сверхчеловѣка“. Безпристрастный наблюдатель, старающійся проникнуть и разгадать смыслъ этой картины міроваго порядка, не можетъ остаться довольнымъ ею. Многое множество разумныхъ существъ, носящихъ въ себѣ образъ и подобіе человѣка, остаются, такъ сказать, „во тьмѣ и сѣни смертнѣи“, и нѣтъ для нихъ возможности проникнуть изъ своего ничтожества; царство „сверхчеловѣка“ остается для нихъ всегда закрытымъ. Такое неравномѣрное распредѣленіе духовныхъ благъ, причастія которыхъ удостоиваются весьма немногіе избранные, оскорбляетъ наше нравственное чувство. И уже съ этой стороны христіанское міровозрѣніе и ученіе о спасеніи человѣка поражаетъ своею широтою въ сравненіи съ философіей Ницше; въ которой означенный *аристократизмъ* составляетъ ея корень, центральный пунктъ. По христіанскому ученію, Спаситель сходилъ на землю, чтобы обновить человѣчество во всемъ его объемѣ, во всей полнотѣ его членовъ, не для сильныхъ только и крѣпкихъ духомъ, но больше всего и главнымъ образомъ для слабыхъ и немощныхъ. „Знайте, говорилъ Христосъ Своимъ ученикамъ, что Сынъ человѣческій пришелъ не праведниковъ, но грѣшниковъ призвать къ покаянію“. Поэтому и проповѣдь Его была обращена прежде всего ко всѣмъ труждающимся и обременнымъ, которыхъ Онъ наибаче хотѣлъ успокоить. Потому и двери царствія Божія отворены для всѣхъ вѣрующихъ, которые поэтому во всей своей совокупности призна-

шаются быть причастниками благъ, принадлежащихъ этому царствію. Въ своей первосвященнической молитвѣ Христосъ молился не за избранныхъ только учениковъ Своихъ, но и о всѣхъ вѣрующихъ въ него: *не о нихъ только молю, но и о вѣрующихъ въ Меня, по слову ихъ: да будутъ все едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ они да будутъ въ насъ едино* (Іоанн. 17, 20 — 21). Правда, не всѣ слѣдуютъ божественному призыву и не всѣ поэтому дѣлаются членами царства Христова. Но это уже зависитъ отъ доброй воли самихъ призываемыхъ. Въ притчѣ о *званыхъ на вечерю* (Лк. 14, 15—24), подъ которою именно и разумѣется царство Христа съ его духовными благами, Спаситель и выразилъ ту мысль, что приглашеніе на вечерю было обращено ко всѣмъ людямъ,—посланный рабъ ищетъ ихъ по „улицамъ и переулкамъ города“, „по дорогамъ и изгородямъ“,—но это приглашеніе принимаютъ только нѣкоторые, а большинство отказывается по различнымъ причинамъ. Поэтому и заканчивается эта притча такими словами Христа: *много званыхъ, но мало избранныхъ*. Отсутствіе на вечери является въ этомъ случаѣ исключительно результатомъ собственнаго произволенія отсутствующихъ. По философіи же Ницше, великое множество разумныхъ существъ являются исключенными изъ царства „сверхчеловѣка“ не по своей винѣ, но по волѣ какого-то рока, осудившаго ихъ на вѣчную кабалу. Подобный идеаль способенъ не бодрить и вдохновлять человѣка на подвиги, а напротивъ угнетать, принижать и лишать всякой способности къ какой либо производительной дѣятельности. Вѣдь никто не можетъ знать, — принадлежитъ ли онъ къ числу избранныхъ, предназначенныхъ судьбою воплотить въ себѣ идею „сверхчеловѣка“, или напротивъ ему суждено играть постыдную роль раба у избранниковъ міра сего. Подобный вопросъ можно рѣшать только на основаніи самоощущенія, самооцѣнки,—но кому же не извѣстно, какъ ошибоченъ бываетъ этотъ критерій? Кто не знаетъ, какъ нерѣдко глупый воображаетъ себя умнымъ и ординарный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ мнить о себѣ какъ о гениі, способномъ обновить міръ новымъ словомъ? Порѣириі Петровичъ у Достоевскаго, судебный слѣдователь, ловившій Раскольникова на его теоріи о „необыкновенныхъ и обыкновенныхъ“ людяхъ, справедливо замѣтилъ ему: „чѣмъ-же бы от-

личить этихъ необыкновенныхъ-то отъ обыкновенныхъ? При рожденіи что ли знаки такіе есть? Я въ томъ смыслѣ, что тутъ надо бы побольше точности, такъ сказать, болѣе наружной опредѣленности: извините во мнѣ естественное безпокойство практическаго и благонамѣреннаго человѣка, но нельзя ли тутъ одежду особую завести, носить что-нибудь, клеймы тамъ, что ли, какія?.. Потому, согласитесь, если произойдетъ путаница, и одинъ изъ одного разряда вообразить, что онъ принадлежитъ къ другому разряду, и начнетъ „устранять всѣ препятствія“, какъ вы весьма счастливо выразились, такъ вѣдь тутъ“... Раскольниковъ; какъ будто удовлетворилъ безкоянаго Порѳірія нѣкоторыми соображеніями, что тутъ „нечего и беспокоиться, потому что они (люди обыкновенные) далеко никогда не шагаютъ. За увлеченіе, конечно, ихъ можно иногда бы и посѣчь, чтобы напомнить имъ свое мѣсто, но не болѣе; тутъ и исполнителя даже не надо; они сами себя посѣкутъ, потому что очень благонравны: иные другъ дружкѣ эту услугу оказываютъ, а другіе собственноручно... Покаянія разныя публичныя при семъ на себя налагаютъ,—выходить красиво и назидательно“... (Достоевск. изд. Марксъ, № 9. стр. 258—259). Но философія Ницше на этотъ счетъ не даетъ никакого разъясненія. Поэтому однихъ она можетъ нравственно убить мыслью о неизбежности своей судьбы — служить ареною для танца ликующаго аристократизма, а другимъ дать ходули, поднявшись на которыя они и на самомъ дѣлѣ вообразятъ себя „сверхчеловѣками“, имъ же никакой законъ не писанъ.

V.

Будучи слишкомъ узкимъ по формѣ своего практическаго приложенія, проникая въ жизнь только людей, отмѣченныхъ судьбою и выдающихся своею энергіею и гениальностію и являясь такимъ образомъ *идеаломъ аристократическимъ*, „сверхчеловѣкъ“ не можетъ и по существу служить въ качествѣ идеала вообще и въ частности достигнуть поставленной имъ самимъ цѣли. Какъ мы знаемъ, *цѣлю дѣятельности индивидуума*, по философіи Ницше, *должно быть возвышеніе, усиленіе и облагороженіе человѣческой личности, возможно-высокое могущество и великолѣпіе человѣческаго типа и*

человѣческой культуры. На сколько мы можемъ признать правильною первую половину поставленной цѣли, на столько же съ сомнѣніемъ должны отнестись ко второй. Ни одинъ христіанинъ не будетъ отрицать, что цѣль челоѣческой дѣятельности должна состоять въ возвышеніи и облагороженіи челоѣческой личности, согласно общему христіанскому идеалу: *будьте совершенны, какъ и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*. Но чтобы это возвышеніе и облагороженіе состояло въ возможно высокомъ могуществѣ и великолѣпіи челоѣческаго типа,—это должно подлежать большому спору. Какого рода это могущество и великолѣпіе? Если оно будетъ заключаться во внѣшней силѣ, богатствѣ и славѣ, то мы знаемъ царя, который былъ яркимъ представителемъ этого типа и которому въ указанныхъ отношеніяхъ удивлялись его современники. Но этотъ носитель славы и великолѣпія, обладавшій при этомъ превосходящею всѣхъ мудростію, въ концѣ концовъ разочаровался во всѣхъ этихъ преимуществахъ и въ назиданіе всѣмъ будущимъ поколѣніямъ оставилъ внушительный урокъ, заключающійся въ безсмертномъ изреченіи: *суета суетствій всяческая суета*. Идеаль Ницше не можетъ быть руководящимъ началомъ челоѣческой дѣятельности уже потому одному, что не заключаетъ въ себѣ признака *всеобщности и неоспоримости*. Цезарь Борджиа для Ницше можетъ быть представителемъ могущества и великолѣпія челоѣческой природы, но для великаго множества другихъ мыслящихъ людей онъ есть извергъ челоѣческаго рода и можетъ служить ему только укоромъ и позоромъ. Но мы оставимъ безъ анализа эти образцы, какъ говорящіе сами за себя, и обратимся къ разсмотрѣнію того пути, который по смыслу философіи Ницше ведетъ къ возвышенію и облагороженію челоѣческой личности. Какъ мы видѣли, путь этотъ заключается въ томъ, чтобы стать „по ту сторону добра и зла“, т. е. повернуться спиной къ *стадной рабской*, альтруистической морали и дѣйствовать по началамъ морали *господской*. А эта господская мораль заключается въ томъ, чтобы развязать челоѣку руки и освободить его отъ всѣхъ путей, стѣсняющихъ его свободу и совѣсть и дѣлающихъ его рабомъ разнаго рода предрасудковъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и евангельская мораль, лежащая въ основѣ современной культуры. Въ переложеніи

на болѣе простой языкъ, это значитъ—дать полный просторъ таящимся въ человѣкѣ инстинктамъ и влеченіямъ, чтобы ничто не препятствовало раскрытію тѣхъ *возможностей*, которыми такъ богата человѣческая природа. Это составляетъ главное условіе для достиженія основной цѣли развитія и возвышенія человѣка въ сверхчеловѣка. Положимъ, его „сверхчеловѣкъ“ не особенно высокаго полета и вмѣщается въ рамки Цезаря Борджіа и Наполеона. Но и для достиженія этого невысокаго идеала едва-ли будутъ достаточны и пригодны средства, рекомендуемыя нашимъ философомъ. Чтобы вполне достигнуть какой нибудь намѣченной цѣли, требуется единство направленія душевныхъ силъ и значительный запасъ ихъ, такъ какъ при ихъ раздробленности, онѣ парализуютъ одна другую и намѣченная цѣль не достигается. Ницше же предписываетъ людямъ такіе рецепты, которые, при ихъ употребленіи, производятъ душевный разладъ, своего рода параличъ. Онъ проповѣдуетъ безграничную свободу, въ силу которой человѣкъ долженъ давать полный просторъ всѣмъ своимъ влеченіямъ, наклонностямъ и инстинктамъ, полагая, что только при такой свободѣ человѣкъ и можетъ достигнуть высшаго разцвѣта своей личности. Но когда всѣ эти влеченія, наклонности и инстинкты одинаково законны, то что можетъ изображать изъ себя человѣкъ, который долженъ будетъ прислушиваться и выполнять всякаго рода желанія и похотѣнія своего капризнаго Я? Не будетъ ли онъ представлять собою своего рода звѣринца, въ которомъ всѣ звѣри спущены съ цѣпей и съ жадностію и ожесточеніемъ нападаютъ другъ на друга? Что получится въ результатъ этой взаимной грызни? Тутъ не можетъ быть ничего кромѣ душевнаго погрома, нравственнаго банкротства, при которыхъ не можетъ быть рѣчи ни о какой свободѣ,—такъ какъ въ этомъ случаѣ человѣкъ является рабомъ своихъ страстей,—ни о достиженіи какой либо идеальной цѣли,—такъ какъ душевныя силы являются разрозненными и ослабленными. Спущенные звѣри, поѣвши другъ друга, наконецъ пожрутъ и самаго хозяина ихъ. Мечтать при такихъ условіяхъ о какомъ либо разцвѣтѣ человѣческой личности, о ея возвышеніи и облагороженіи здѣсь нѣтъ никакихъ основаній. И ежедневные опыты жизни и историческіе факты показываютъ, что разнузданность,

допущенная человѣкомъ въ проявленіи своихъ влеченій и инстинктовъ, всегда влечетъ за собою общее разслабленіе не только душевной, но и тѣлесной жизни. Развѣ мы не видимъ ежедневно, что, при такой распущенности воли, въ концѣ концовъ одерживаютъ побѣду влеченія и инстинкты не высшаго порядка, а низшаго, не укрѣпляющіе духъ и тѣло человѣка, но разслабляющіе ихъ. Цѣлыя историческія націи вырождались и гибли, когда онѣ утрачивали первоначальную простоту и строгость своихъ нравовъ и образа жизни. Такъ пали Греція и Римъ. Начиная съ Августа, престолъ послѣдняго занимала цѣлая генерація правителей, которые въ смыслѣ философіи Ницше практиковали въ образѣ своей жизни полнѣйшую необузданность своей воли и которые, благодаря только этому, подпали закону нравственного и физическаго вырожденія, конечнымъ выраженіемъ котораго являлось ихъ слабоуміе, или же совершенное безуміе.

Впрочемъ Ницше не обѣщаетъ своимъ послѣдователямъ покоя и мѣщанскаго счастья; нѣга и довольство—не удѣлъ его избранниковъ. Напротивъ послѣдними могутъ быть только люди, готовые на великіе подвиги, имѣющіе склонность во всемъ находить препятствія, чтобы преодолевать ихъ, *способные жить среди опасностей*. „Стройте города, говоритъ онъ, у подножія Везувія! посылайте ваши корабли въ неизслѣдованныя моря!“ (М. Б. № 11 стр. 72). „Пусть научатся они, обращается Заратустра къ дѣтямъ, т. е. своимъ послѣдователямъ, одиночеству, настойчивости и предусмотрительности. Они должны съ упругой стойкостію стоять при морѣ — живые маяки несокрушимой жизни; тамъ, гдѣ порывы бури низвергаются въ море, гдѣ пасти горъ пьютъ воду, тамъ должно стоять каждое изъ нихъ (дѣтей) на своей дневной стражѣ, для испытанія себя и для познанія“ (Такъ сказ. Зарат. стр. 155). Но здѣсь рекомендуются чисто формальныя способности души; въ нихъ можно влить какое угодно содержаніе; въ эту форму могутъ одинаково отлиться и св. Антоній Великій и Стенька Разинъ. Все дѣло въ томъ — на что будутъ направлены эта несокрушимость и энергія воли, эта жажда опасностей и подвиговъ; что лежитъ въ основѣ всѣхъ лишеній и трудовъ, на которые вызываетъ своихъ учениковъ Заратустра. „Что-то не—умолимое и необузданное

есть во мнѣ“, говоритъ онъ. „Голодь растетъ изъ красоты моей: оскорбить хотѣлъ бы я тѣхъ, кому свѣчу я, ограбить хотѣлъ бы я одаренныхъ мною,—такъ жажду злобы я. Какъ принужденъ отнимать руку тотъ, кому протянута рука помощи; какъ приходится медлить водопаду, задержанному въ паденіи своемъ,—такъ жажду злобы я“ (ibid. 107). „О, звѣри мой, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, только одному доселѣ училъ я, что человѣку нужно зло для его же блага, что все, самое злое, есть лучшая сила его и твердый камень для созидающаго; что человѣкъ долженъ становиться все лучше и все злѣе; къ древу мученій привязанъ я не за то, что знаю я, что человѣкъ золь, но за то, что кричалъ я, какъ никто не кричалъ еще: „о, какъ ничтожно зло его! о, какъ ничтожно даже добро его!“ Дѣйствительно міръ еще не слыхалъ подобныхъ пѣсенъ во славу нравственнаго зла; онъ еще не оглашался такими воплями о недостаточной его распространенности. Не удивительно поэтому, если Заратустра поетъ особенный гимнъ такимъ страстямъ, въ которыхъ наиболѣе рельефно воплощается зло: „*сладострастіе, властолюбіе, себялюбіе*: вотъ, говоритъ онъ, тройка до сихъ поръ проклиная!“ Но какую же самъ Заратустра даетъ рѣчь эту этимъ страстямъ? „*Сладострастіе*: всѣмъ ненавистникамъ тѣла, одѣтымъ въ рубище,—ихъ жало и колючки тернія,—медленный пламень для черни, на которомъ сгораетъ она; но для обладающаго волею льва великое сердечное подкрѣпленіе и благоговѣйно сбереженное вино изъ всѣхъ винъ; онъ великій символъ счастья для выпятого счастья и невышней надежды... *Властолюбіе*—увлекательно,—оно поднимается къ чистымъ и одинокимъ, далеко уходящимъ вверхъ самодовлѣющимъ вершинамъ; пылая какъ любовь, оно рисуетъ пурпурное блаженство на небѣ земномъ... Но кто назоветъ его страстію, если высокое стремится къ власти надъ низшимъ? Истинно, нѣтъ ничего болѣе земнаго въ этомъ желаніи, чтобы вышина одинокая невѣчно оставалась одинокой и самодовлѣющей; чтобы гора спустилась къ долинь, и горные вѣтры повѣяли въ низменностяхъ...“ Не менѣе прославляетъ Заратустра и себялюбіе, „неиспорченное, здоровое самолюбіе, истекающее изъ могучей души.“ Онъ гонитъ отъ себя все малодушное и трусливое... Достоиннымъ презрѣнія кажется ему тотъ, кто постоянно заботится, взды-

хаеть, жалуется. Онъ презираетъ всякую мрачную мудрость, постоянно вѣдыхающую: „все суета!“ Онъ презираетъ боязливую недовѣрчивость и того, кто вмѣсто дѣйствія прибѣгаетъ къ мольбамъ... Такъ вотъ въ чемъ проявляется эта рекомендуемая философией Ницше жажда опасностей и подвиговъ, эта неутомимая дѣятельность: духъ *зла* лежитъ въ основѣ ея. И если бы дѣйствительно нашелся человѣкъ, который воплотилъ бы въ себѣ эти идеи ницшеанства, то не уподобился ли бы онъ тому духу, котораго изобразилъ нашъ поэтъ:

„Я тотъ, чей взоръ надежду губить,
Едва надежда разцвѣтетъ;
Я тотъ, кого никто не любитъ,
Но все живущее клянеть.
На что пространство мнѣ и годы?
Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, и зло природы.

Итакъ, путь, рекомендуемый Ницше своимъ избранникамъ, не сулитъ имъ ничего отраднаго: онъ будетъ усѣянъ трупами и костями, которые никогда не могутъ служить основаніемъ нормальной, здоровой, творческой человѣческой дѣятельности. Духъ злобы за все время своего существованія пока еще не ознаменовалъ себя ни однимъ творческимъ подвигомъ; его дѣятельность состояла въ разрушеніи, а не созиданіи. Демоническія натуры, которыя развились бы на почвѣ этой дѣятельности, сварились бы въ собственномъ своемъ котлѣ, но ни чѣмъ не послужили бы въ интересахъ развитія и облагороженія человѣческой природы, и о какомъ либо пышномъ расцвѣтѣ послѣдней не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ все говоритъ за то, что „новыя скрижали“ Заратустры, какъ онъ называетъ свое ученіе, привели бы къ совершенному вырожденію человѣческой природы, или же къ созданію звѣрей неукротимыхъ, которые въ концѣ концовъ перегрызли бы другъ друга. Въ томъ и другомъ случаѣ въ результатъ практической дѣятельности по философій Ницше явился бы не *Übermensch*, а *Niedermensch*: человѣческая природа не возвысилась, а унизилась бы.

VI.

Что же мы скажемъ теперь о томъ поношеніи и хулѣ, какіе бросаетъ Ницше по адресу христіанскаго ученія? Что мы скажемъ ему на тотъ главный упрекъ, что христіанское ученіе, находясь въ основѣ современной европейской культуры, послужило къ измелечанію человѣческой природы, да и по существу своему, это ученіе стадное и есть мораль рабовъ, а не господъ?

Все это, скажемъ мы, съ одной стороны, есть плодъ по меньшей мѣрѣ недоразумѣнія и непониманія духа христіанскаго ученія, а съ другой—представляетъ собою нѣчто такое, что не только не можетъ быть поставлено въ упрекъ христіанской морали, но служить къ ея высшему достоинству и оправданію. Дѣйствительно, скажемъ мы, христіанское ученіе—не господская мораль, но она и не рабская, такъ какъ въ царствѣ Христовомъ, о которомъ оно проповѣдуетъ и которое оно имѣетъ цѣлю водворить между людьми, *нѣтъ ни Еллина, ни Іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, скива, раба, свободнаго; но все и во всемъ Христосъ* (Колос. 3, 11). Можетъ ли это быть поставлено въ вину христіанскому ученію? Не возвышается ли напротивъ оно своею широтою и всеобщностію надъ той философской доктриной, которая ограничивается спасеніемъ только нѣкоторыхъ „избранниковъ“, а всю остальную часть челоуѣчества, составляющую притомъ огромное большинство его представителей, обрекаетъ на вѣчную гибель, считая ее не способною принять дѣятельное участіе въ осуществленіи поставленнаго идеала? И при этомъ однакоже нельзя съ точки зрѣнія Ницше упрекнуть христіанское ученіе, въ томъ, что эта широта и всеобщность его идеала расплывается въ безразличное отношеніе къ каждому, что оно проповѣдуетъ равенство въ коммунистическомъ или социалистическомъ смыслѣ. Павось разстоянія, на которомъ такъ настаиваетъ въ своей философіи Ницше, сохраняется, если угодно, и въ христіанскомъ ученіи, но только въ болѣе высокомъ и широкомъ смыслѣ. *Всѣ* призываются къ спасенію,—въ этомъ заключается *равенство*, проповѣдуемое христіанскимъ ученіемъ; но не всѣ по тому же ученію спасутся,—не малое количество людей окажутся въ числѣ отверженныхъ, къ которымъ обращено грозное слово Хри-

ста: *идуть сіи въ муку вѣчную...* Но это отверженіе совершается въ христіанствѣ не въ силу какого-то слѣпаго немолимаго рока, но въ силу собственнаго произволенія челоуѣка. Равнымъ образомъ въ дѣлѣ спасенія не всѣ достигнутъ одинаковыхъ результатовъ и потому удостоятся неодинаковой награды, но въ мѣрѣ силъ, способностей и заслугъ каждаго: *ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ; звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу*, и потому въ воскресеніе, въ послѣдній день *каждому воздается по дѣламъ его*. Равенство съ одной стороны и индивидуальныя особенности и права—съ другой здѣсь строго оберегаются.

Что касается до упрека Ницше *въ стадности* людей, слѣдующихъ христіанскому ученію, которое проповѣдуетъ любовь другъ къ другу и въ слѣдствіе вліяній котораго, по мнѣнію Ницше, люди жмутся одинъ къ другому, то такой упрекъ можетъ вызвать только недоумѣніе. Самъ Ницше проповѣдуетъ безграничную свободу обнаруженія и развитія всѣхъ коренящихся въ природѣ челоуѣческой инстинктовъ. Но между послѣдними инстинктъ альтруистическій занимаетъ первое мѣсто. По сознанію многихъ ученыхъ, онъ составляетъ такую необходимую потребность не только челоуѣческой природы, но и всего земнороднаго, которой только и обязано на землѣ все живущее сохраненіемъ своего бытія.

Генри Друмондъ, эволюціонистъ по убѣжденію, признаетъ, однако, альтруистическій инстинктъ самымъ главнымъ дѣятелемъ въ процессѣ эволюціи: „Что борьба за жизнь, говоритъ онъ, была выдающимся дѣйствующимъ лицомъ въ драмѣ,—это несомнѣнно... Но что это единственный или даже главный дѣятель въ процессѣ эволюціи, это должно быть отвергнуто“, утверждаетъ онъ вопреки ученію Дарвина. „Есть, говоритъ онъ, *второй факторъ*, который можно было бы назвать *борьбой за жизнь другихъ*, играющій одинаково выдающуюся роль“ (Эволюція и прогрессъ челоуѣка, стр. 15)... „Наблюдайте какое либо высшее животное въ наиболѣе критическій изъ всѣхъ часовъ его жизни и для его вида, въ часъ, когда оно производитъ на свѣтъ другое существо подобное себѣ. Оставьте въ сторонѣ чисто физиологическіе процессы рожденія; обратите вниманіе на поведеніе животнаго — матери въ присутствіи новой, безпомощной, трепещущей предъ

нею жизни. Вотъ лежитъ оно дрожащее между жизнью и смертію; его мучаетъ голодъ; ему угрожаетъ холодъ; его осаждаетъ опасность; его слѣпое существованіе виситъ на ниточкѣ. Вотъ удобный моментъ для эволюціи. Это лазейка въ физическомъ строѣ, предназначенная для введенія въ нее строя нравственнаго. Если въ природѣ есть нѣчто большее, чѣмъ себялюбивая борьба за жизнь, то тайна эта можетъ теперь быть раскрыта. До сихъ поръ міръ принадлежалъ снискателю пропитанія, эгоисту, борцу за жизнь, отцу. Теперь часъ матери. И, хотя она и животное, она подымается до высоты своей задачи. И этотъ часъ, когда она приходитъ на помощь своему дѣтенышу, становится для міра часомъ его самаго святаго рожденія.—Симпатія, нѣжность, отсутствіе себялюбія и длинный перечень добродѣтелей, берущихъ свое начало изъ альтруизма, являются прямымъ слѣдствіемъ и естественной принадлежностію воспроизводительнаго процесса“ (ibid. стр. 20—21).

Этому альтруистическому инстинкту человѣчество и въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи обязано сохраненіемъ своего бытія и своимъ развитіемъ. Общественныя и государственныя формы жизни, обезпечивающія и охраняющія жизнь каждаго индивидуума, являются самыми первыми и необходимыми условіями этого развитія. И такое, коренящееся въ самой глубинѣ нашего духа, стремленіе къ самопожертвованію за жизнь другихъ христіанскимъ ученіемъ только освящается и возводится къ болѣе высокому и глубокому пониманію. По смыслу его, всѣ люди — дѣти Отца небснаго и являются такимъ образомъ братьями между собою, которые уже въ силу этого духовнаго родства должны тяготѣть другъ къ другу и составлять одну, тѣсно сплоченную, семью. Поэтому христіанское ученіе своею заповѣдію о любви къ ближнимъ, самопожертвованіи, служеніи общественнымъ интересамъ не вводитъ въ жизнь чловѣка какого либо новаго, противнаго его природѣ элемента, но напротивъ идетъ на встрѣчу самымъ естественнымъ расположеніямъ его духа. *Стадность*, тяготѣніе одного къ другому, а отсюда любовь и самоотверженіе въ интересахъ другихъ и т. под. не могутъ подлежать упреку, какъ это дѣлаетъ Ницше. Напротивъ строгое уединеніе и обособленность всегда считалось и считается чѣмъ-то противорѣчащимъ его

природѣ. Самъ Заратустра, проповѣдникъ сверхчеловѣка, учитель уединенія, котороѣ онъ считалъ самымъ необходимымъ средствомъ для воспитанія въ человѣкѣ мужества, и самъ удалившійся въ горы и по нѣскольку лѣтъ жившій тамъ, не могъ вытравить въ себѣ чувствъ и желаній общенія съ другими. Не желая быть съ людьми, онъ взялъ въ себѣ въ сожители орла и змѣю, съ которыми онъ и короталъ свою жизнь. Не могъ онъ истребить въ себѣ и любви къ людямъ; „душа его была полна нетерпѣливости и страстнымъ желаніемъ видѣть *любимыхъ* имъ людей“ (Такъ говор. Зарат. стр. 86). Но неужели лучше быть въ обществѣ звѣрей и пернатыхъ, чѣмъ въ обществѣ людей? Конечно, о вкусахъ не спорятъ!....

Такое же недоумѣніе, если еще не большее, вызываетъ обвиненіе христіанства въ томъ, что оно будто является едва ли не главною причиною замѣчаемаго въ настоящее время измельчанія человѣческой личности. Мы полагаемъ, что это измельчаніе, если и признать его дѣйствительнымъ фактомъ, зависитъ отъ слабости человѣческой воли. Но что скорѣе всего можетъ воспитать въ человѣкѣ слабость воли,—ученіе ли, проповѣдующее господство духа надъ плотію, или философія, поучающая, что „тѣло—это великій разумъ“; „что въ твоёмъ тѣлѣ больше разума, чѣмъ въ твоей наибольшей мудрости“; что „творящее тѣло создало себѣ духъ, какъ орудіе своей воли“ (Такъ гов. Зар. стр. 33), — философія, избравшая для человѣческой дѣятельности лозунгъ: „все позволено!“..? Что требуетъ большаго напряженія силъ,—ладья, пущенная по теченію человѣческихъ влеченій, или наоборотъ, направленная противъ этихъ влеченій? Тутъ, кажется, двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. Развитие и укрѣпленіе силы воли и образованіе твердыхъ, несокрушимыхъ характеровъ упрочивается непрестанною борьбою съ низшими, самолюбивыми влеченіями плоти и духа. Христіанскій нравственный идеалъ для своего достиженія требуетъ именно такой настойчивой борьбы съ стихійными началами и животными наклонностями, гнѣздящимися въ человѣкѣ. Поэтому и царствіе Божіе, о которомъ прежде всего проповѣдуетъ христіанское ученіе, хотя находится и близко отъ каждаго человѣка,—такъ какъ находится внутри его, — однако же берется силою и только употребляющіе усиліе восхи-

щаютъ его. И въ самомъ дѣлѣ, послушаніе, терпѣніе, прощеніе обидъ, любовь ко врагамъ,—развѣ всѣ эти добродѣтели, которыя проповѣдуетъ христіанство, не требуютъ высшаго напряженія силъ для побѣды надъ противными влеченіями плоти и духа? Развѣ не достоинъ имени героя послѣдователь Христа, который во имя Его утишаетъ свой гнѣвъ и злобу и прощаетъ своему злѣйшему врагу причиненное ему оскорбленіе и неправду, относясь къ нему не какъ ко врагу, а какъ къ заблудшему брату? *Злословятъ насъ,—мы благословляемъ; гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимся* (1 Кор. 4, 12). По смыслу философіи Ницше, подобный образъ дѣйствій свидѣтельствуетъ о слабости воли, о стадномъ инстинктѣ, объ измелъчаніи человѣческой личности. Но не много нужно психологическаго чутья, чтобы понять,—какая буря поднимается въ душѣ человѣка, когда ему наносится незаслуженная обида и оскорбленіе, когда онъ испытываетъ вопіющую неправду, и какая поэтому требуется сила воли, чтобы утишать въ себѣ эту бурю и не дать власти надъ собою негодующему гнѣву и чувству мести, которыя съ обычною своею настойчивостію и силою диктуютъ иной образъ дѣйствій, соотвѣтствующій древнему способу возстановленія поруганныхъ правъ личности: *око за око, зубъ за зубъ*. Если война съ внѣшнимъ врагомъ требуетъ героическихъ усилій и мы прославляемъ „побѣды знаменіе носящихъ“, то не болѣе ли почтенія и уваженія заслуживаетъ тотъ, кто одержалъ побѣду надъ самимъ собою, укротивъ свой гнѣвъ и злобу и не давши одержать верха надъ собою своимъ мстительнымъ чувствамъ? Вѣдь подобная побѣда сопровождается такими мужествомъ и храбростію, такою же увѣренностію въ свои силы, какъ и всякое генеральное сраженіе. Потому-то Апостоль Павелъ заповѣдуетъ ученику своему Тимоѳею *воюствовать какъ доброму воину, имѣя въру и добрую совѣсть* (1 Тим. 1, 18).

Но царствіе Божіе силою берется не въ борьбѣ только съ внутренними духовными врагами; у послѣдователя Христа есть враги внѣшніе, которые не перестаютъ осаждать его съ самаго появленія Христіанства и до нашихъ дней. Языческій міръ съ своими владыками и правителями во главѣ ополчился на всѣхъ исповѣдниковъ вѣры Христовой.

видя въ нихъ своихъ злѣйшихъ враговъ. И со стороны первыхъ христіанъ нужна была изумительная сила и твердость воли, чтобы вынести эту борьбу на своихъ плечахъ. Какъ свидѣтельствуемъ исторія, они блистательно выдержали ее и тѣмъ завоевали христіанскому имени право на существованіе. Въ это знаменательное для христіанства время его послѣдователи явили міру такіе высокіе и недостижимые примѣры энтузіазма, самоотверженія и героизма, какихъ никогда не знала и не знаетъ исторія. Тутъ уже не только не можетъ быть и рѣчи объ измельчаніи человѣческой природы, но безпристрастный наблюдатель долженъ удивляться тому неимоверному подъему, энергіи и силѣ духа, какими ознаменовались первые вѣка христіанства, которые въ самомъ высокомъ и преимущественномъ смыслѣ могутъ быть названы *героическими*.

Но кончилась сила меча, возсталъ на христіанъ сила мысли и слова. Явились ереси, расколы, невѣріе и лжеименное знаніе, которыя произвели и производятъ смуту въ христіанскомъ сознаніи, посягая на чистоту вѣры и христіанскихъ убѣжденій. Камня на камень не хотятъ оставить эти враги въ святомъ храмѣ христіанской истины,—и со стороны ея носителей сколько нужно мужества, терпѣнія, пронизательности и изощренія всѣхъ своихъ душевныхъ силъ, чтобы отвоевать и сохранить свое „святыя святыхъ“? Можетъ ли быть тутъ рѣчь объ измельчаніи духа, когда сами обстоятельства вызываютъ его на усиленную борьбу съ безчисленными противниками?

Измельчать, нравственно опуститься можно только при бездѣятельномъ, абсолютно спокойномъ образѣ жизни, который, какъ извѣстно, ведетъ несомнѣнно къ ослабленію воли, дѣлающейя неспособной къ подвигамъ и энергичной дѣятельности; но, всѣмъ извѣстно, что окружающія условія никогда не располагали и не располагаютъ христіанина къ такому образу жизни,—напротивъ держать его волю и всѣ силы его духа въ крайнемъ напряженіи: путь самоотверженія и терпѣнія, къ которому призываетъ Христосъ своихъ послѣдователей, не ведетъ къ спокойной жизни. И если философія Ницше, рекомендующая безусловную свободу и просторъ въ проявленіи и развитіи всѣхъ безъ различія инстинктовъ человѣческой природы, въ практическомъ при-

мѣненіи къ жизни человѣческихъ обществъ можетъ привести человѣка къ звѣриному образу, то христіанское нравственное ученіе, заповѣдуя человѣку подавлять въ себѣ всѣ низменныя, животныя инстинкты создаетъ въ немъ всѣ условія для свободнаго и безпрепятственнаго развитія въ себѣ истинно-человѣческихъ расположеній, силъ и способностей и такимъ образомъ необходимо ведетъ къ образованію не сверхчеловѣка, а высшаго типа человѣческой природы, представляющаго собою истинный ея пышный разцвѣтъ и конечное совершенство.

Что же касается до наблюдаемаго въ настоящее время измельчанія человѣческой личности, то,—не споримъ,—это фактъ, котораго отрицать нельзя. Дѣйствительно, герои духа нынѣ рѣдки, и великіе характеры постепенно исчезаютъ. Но не христіанство въ этомъ повинно, а современная цивилизація и просвѣщеніе, какъ будто старающіяся освободить себя отъ христіанства и усвоить языческіе нравы и обычаи. Нынѣ всѣ стремятся воспользоваться благами цивилизаціи, но послѣднія могутъ явиться истинными благами только въ томъ случаѣ, когда они направлены къ достиженію истинно благороднѣйшихъ цѣлей. Теперь же всѣ классы общества поглощены излишнею заботливостію о своемъ обогащеніи и устроеніи себѣ такъ называемаго комфорта, а потому и всѣ средства, предлагаемыя культурой, направляютъ на достиженіе этихъ цѣлей. Понятно, что подобное положеніе дѣлъ не можетъ удержать духъ человѣческой на высотѣ его истинныхъ интересовъ, а напротивъ заставляеть его спуститься долу и размѣнять себя на служеніе измѣнчивымъ и безчисленнымъ прихотямъ плоти. Отсюда и происходитъ то уродливое явленіе, что самыя образованныя христіанскія націи обнаруживаютъ такіе алчные аппетиты, такіе звѣрскіе инстинкты, которые позорятъ христіанское имя предъ глазами язычниковъ. Но виновато ли въ этомъ христіанское ученіе? Не говорить ли все это за то, что христіанскіе народы далеко не прониклись еще этимъ ученіемъ и потому не воспитали въ себѣ свойствъ, составляющихъ принадлежность высокихъ твердыхъ характеровъ, какіе обыкновенно образуются подъ вліяніемъ евангельской истины? И если эта истина нынѣ забывается, если христіанскіе народы дозволяютъ себѣ поклоняться чуждымъ богамъ, то развѣ можно ставить это въ

вину самому христіанству? Нельзя поэтому винить его и въ томъ, что нынѣ въ извѣстныхъ отношеніяхъ человѣчество мельчаетъ.

VII.

Но если такъ не состоятеленъ нравственный идеаль философіи Ницше по сравненію его съ христіанскимъ ученіемъ, и если претензія ея замѣнить собою это послѣднее можетъ вызвать со стороны трезвой мысли только крайнее недоумѣніе, то невольно возникаетъ вопросъ,—чѣмъ объяснить распространенность этой философіи и популярность ея въ настоящее время?

Людей, гоняющихся за модными вѣяніями, неспособныхъ и не желающихъ проникнуть въ сущность и глубь предмета, эта философія подкупаетъ своимъ радикализмомъ, дерзко отваживающимся учинить переоцѣнку всѣхъ существующихъ нравственныхъ понятій и предъявить міру „новыя скрижали“ съ новыми идеалами, претендующими обновить нынѣшнее одряхлѣвшее человѣчество. Люди этого сорта плѣняются именно новизной и кажущейся отвагой мысли, будучи въ тоже время неспособны ориентироваться въ этой неожиданной для нихъ постановкѣ дѣла и понять, что эта новизна—не первой молодости, а эта отвага мысли граничить съ безразсудствомъ.

Люди легкомысленные и распущенные, не расположенные строго относиться къ требованіямъ нравственнаго долга, черпаютъ въ философіи Ницше оправданіе своего двусмысленнаго поведенія. Для подобныхъ людей разнаго рода стѣсненія, требованія и предписанія нравственнаго долга не являются чѣмъ-то въ родѣ категорическаго императива; по ихъ мнѣнію, всѣ такія пути можно, если не совсѣмъ уничтожить, то значительно ослабить, учинивши нѣкоторую сдѣлку съ своею совѣстію. Такого рода людямъ философія Ницше есть истинная находка, такъ какъ тутъ они найдутъ принципиальное отрицаніе всякаго рода существующихъ нравственныхъ предписаній, которые подвергаются здѣсь жестокой критикѣ и злостному хуленію. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не на руку всѣмъ этимъ легкомысленнымъ людямъ рѣчи въ такомъ, напр., родѣ, что „нравственныя правила, взятая вмѣстѣ, необыкновенно странны и нелѣпы“, что они пред-

ставляютъ собою „смѣсь изъ трехъ порціи ума съ тремя порціями глупости“, (По ту стор. д. и з., стр. 127—128); что „побѣждаютъ инстинкты во чтобы то ни стало—это формула для выраженія декадентства“ (Помрач. кум. стр. 230); что „спокойная совѣсть есть принадлежность нравственной коровѣ и жирному счастью“ (ibid 249); что человекъ долженъ быть независимъ во всемъ (ibid 60); что „вмѣстѣ съ эгоизмомъ уходить все лучшее“ (Помрач. кум. стр. 98) и пр. и пр. Развѣ подобныя перлы, рассыпанные щедрою рукою въ философіи Ницше, и эта проповѣдь безусловной свободы во всемъ и полнѣйшей разнузданности въ области инстинктовъ, влеченій и наклонностей,—развѣ это не способно вскружить головы всѣмъ, не расположеннымъ серьёзно и глубоко относиться къ разнаго рода вопросамъ и желающимъ, подобно бабочкамъ, скользить только по поверхности предметовъ, и въ своей дѣятельности руководствоваться не какими либо высшими соображеніями, а низшими побужденіями своей чувственной природы. Конечно, для такихъ сверхчеловѣковъ и сверхчеловѣчковъ философія Ницше, проповѣдующая культъ „избранниковъ“, есть чистый кладъ. Присоедините къ сказанному подкупающій свою художественностию и утонченностию стиль философіи Ницше и оригинальную и афористическую форму ея изложенія, придающую ей особаго рода пикантность, — и можно до нѣкоторой степени понять и объяснить распространенность и популярность ея въ настоящее время.

Но есть еще въ философіи Ницше сторона, которая привлекаетъ къ себѣ умы современнаго міра, заставляя мириться со многими своими недочетами. Она мѣтко указываетъ и справедливо порицаетъ современные недуги нашей частной, общественной и государственной жизни. Она бичуетъ ханжество и лицемеріе, которыми страдаютъ взаимныя отношенія современнаго люда (Такъ говор. Зарат. гл. „О рыночныхъ мухахъ“, „О добродѣтельныхъ“ и др.). Она съ негодованіемъ указываетъ на стремленіе всякаго рода общественныхъ группъ къ уравнию, нивелировкѣ, съ ужасною боязливостию относящихся ко всему индивидуальному, рѣзкому, характерному, выходящему изъ обычнаго порядка вещей и тѣмъ же какъ бы нарушающаго спокойное теченіе жизни (По ту стор. д. и с. § 203). Проповѣдую крайній индивиду-

лизмъ, эта философія является громкимъ протестомъ противъ такого социалистическаго *обезличивающаго* направленія, справедливо видя въ немъ главную причину пониженія біенія общественнаго пульса, нравственной дряблости и безволія, исчезновенія энергическихъ, честныхъ дѣятелей. Жалоба, и жалоба всеобщая, что нынѣ нѣтъ честныхъ людей, что нынѣ ни на кого нельзя положиться, никому нельзя довѣриться, является слѣдствіемъ этой социалистической тенденціи. Вѣдь, чтобы быть честнымъ и правдивымъ, нужно быть прежде всего *самимъ собою*, право „смѣть свое сужденіе имѣть“, и не только имѣть, но и открыто высказывать его; но этого-то именно и не терпитъ социализмъ и всякія учрежденія, усвоившія его духъ и направленіе. Отсюда же происходитъ вялое, безжизненное отправление своихъ обязанностей, сводящееся къ тому, чтобы все было по формѣ правильно и не нарушало установившейся тишины и спокойствія. И нужно отдать справедливость,—философія Ницше ярко вскрываетъ эти болѣзни нашего вѣка, и своею проповѣдью крайняго индивидуализма является нѣкоторымъ противоядіемъ противъ социалистическаго господствующаго зла.

Но не слишкомъ ли дерзка подобная попытка? Имѣетъ ли философія Ницше въ себѣ задатки выполнить подобную миссію? Печальная судьба Ницше съ ея трагическимъ концомъ показываетъ, что принятая имъ на себя задача обновителя и спасителя человѣчества, не смотря на всѣ его выдающіеся таланты, была ему не по силамъ; преждевременное лишеніе свѣта сознанія и пребываніе въ теченіе послѣднихъ лѣтъ во мракѣ безсознательной жизни свидѣлствуютъ, что натура Ницше не выдержала величія поставленной проблемы. Нѣтъ, философія Ницше не можетъ быть цѣлительнымъ средствомъ для врачеванія существующихъ въ человѣчествѣ недуговъ, она не только не способна облагородить личность человѣка, но своею громкою проповѣдью абсолютной свободы и жажды власти, какъ всеобщаго принципа, который лежитъ въ основѣ природы всѣхъ живыхъ существъ, можетъ привести къ такой разнузданности, при которой невозможна никакая гражданственность, никакой социальный порядокъ. Своимъ же полнымъ отрицаніемъ альтруистическихъ чувствъ и проповѣдью объ эгоизмѣ, какъ единственномъ двигателѣ человѣческой дѣятельности, предоставляетъ

звѣрскимъ инстинктамъ въ человѣкѣ такой широкой просторъ, который можетъ только возратить человѣчество къ его первобытному дикому состоянію.

Только евангельская правда можетъ установить должныя отношенія между людьми и устроить имъ царствіе Божіе на землѣ. Она оберегаетъ и личныя интересы каждаго, — такъ какъ отрицаетъ принципъ равенства въ социалистическомъ смыслѣ, — и въ то же время она настойчиво внушаетъ ту мысль, что дѣйствительнаго развитія своихъ талантовъ, *спасти свою душу* каждый можетъ только путемъ самоотверженной любви къ Богу и ближнимъ, безкорыстнымъ служеніемъ общественнымъ интересамъ.

Для болѣе полного и безпристрастнаго представленія о философіи и личности Ницше, прислушаемся еще къ тому, что иногда говоритъ и какъ ведетъ себя Заратустра, этотъ страстный проповѣдникъ „сверхчеловѣка“. Онъ, поборникъ безусловной свободы, вопрошаетъ: „свободенъ *отъ чего?* Какое до этого дѣло Заратустрѣ. Но твое око ясно должно повѣдать мнѣ: свободенъ *для чего?*... Мнѣ хочется слышать мысль, которая господствуетъ въ тебѣ, а не то, что ты избѣгнулъ ярма“. (Такъ говор. Зарат. стр. 66). „Ты ищешь свободы, говоритъ Заратустра одному юношѣ., ты стремишься въ свободную вышину, звѣздъ ждетъ твоя душа. Но также и твои дурныя наклонности жаждутъ свободы. Твои дикія собаки хотятъ на свободу; онѣ лаютъ отъ удовольствія въ своей конурѣ, когда духъ твой старается отпереть всѣ темницы... Очиститься долженъ также освобожденный духомъ. Въ немъ много еще осталось отъ темницы и гнили: чистыми должны сдѣлаться его взоры“ (ibid 43). Проповѣдникъ всеобщаго принципа „жажды власти“ Ницше, однако даетъ такое наставленіе: „ты долженъ повиноваться кому бы то ни было и долгое время, иначе ты погибнешь и потеряешь послѣднее уваженіе къ себѣ, — вотъ, по моему (Ницше) моральное повелѣніе, которое даетъ природа“ (по ту стор. д. и I. стр. 117). Защитникъ самолюбія, какъ силы, подарившей человѣчеству все лучшее, Заратустра порицаетъ однакоже эгоизмъ „слишкомъ блѣдный, голодающій, хотящій украсть“, — который „воровскимъ окомъ глядитъ на все блестящее“ (ibid. стр. 80). Заратустру объемлетъ ужасомъ чувство, которое говоритъ: „все для меня!“ (ibid...). Онъ приз-

наетъ добродѣтель, представляя ее такимъ богатствомъ души, которое отъ полноты своей изливается на все окружающее (Зарат. гл. „О даящей добродѣтели“). И не только этими сужденіями, но своимъ образомъ жизни и дѣятельностію Заратустра напоминаетъ намъ съ одной стороны христіанскаго аскета, а съ другой самоотверженнаго общественнаго дѣятеля. Онъ живетъ въ уединеніи и ведетъ строгій, можно даже сказать, аскетическій образъ жизни. Онъ—сторонникъ цѣломудрія, презираетъ наслажденія и сластолюбіе, мягкую постель и т. д. (гл. „О даящей добродѣтели“). Но по временамъ онъ лишаетъ себя любимаго имъ уединенія, идя изъ любви къ людямъ въ шумный городъ, чтобы вести непонятную для нихъ рѣчь о сверхчеловѣкѣ. Отрицая въ своемъ ученіи чувства состраданія и альтруизма, Заратустра на дѣлѣ однако поступаетъ иногда совершенно наоборотъ. Въ VI-й части его поэмы мы видимъ, что онъ какъ будто не совѣмъ спокоенъ духомъ: онъ все чего-то ищетъ, прислушивается и спѣшитъ на крикъ просящихъ о помощи, падаетъ въ обморокъ отъ *состраданія*, старается выручить изъ бѣды „добровольнаго нищаго,“ оказываетъ услугу мальчику—пастуху, которому заползла змѣя въ ротъ. Что это значитъ?... Предъ нами, очевидно, другое лицо Ницше, его другое я. Повидимому у Ницше умъ и сердце были не въ ладу: умъ строилъ и создавалъ свои теоріи, а сердце влекло къ другому. И по нашему крайнему разумѣнію, этотъ душевный разладъ составляетъ истинный трагизмъ въ личности Ницше,—трагизмъ, заставляющій насъ относиться къ нему не съ чувствомъ какого либо презрѣнія и злорадства, но съ истиннымъ христіанскимъ сожалѣніемъ, какъ къ высокодаровитой, но не удавшейся личности.

Но если бы мы пожелали произнести окончательный судъ надъ личностію Ницше и его философіей, то мы въ этихъ цѣляхъ не могли бы сдѣлать ничего лучшаго, какъ воспользоваться собственными его словами: „Поймемъ же наконецъ, говоритъ онъ... Поймемъ же наконецъ, говоритъ онъ, какая наивность заключается въ словахъ: „человѣкъ долженъ быть такимъ-то!“ Мы видимъ въ дѣйствительности приводящее насъ въ восторгъ богатство типовъ, расточительную роскошь разнообразныхъ и постоянно измѣняющихся формъ: и вдругъ какой нибудь жалкій, подсагивающій

изъ за угла, моралистъ, посмотрѣвъ на все это, скажетъ: „нѣтъ, человекъ долженъ быть совсѣмъ инымъ!“ Онъ, этотъ жалкій брюзга, даже знаетъ, какимъ долженъ быть человекъ; онъ рисуетъ самого себя на стѣнѣ и говоритъ, указывая на это изображеніе: „Вотъ это—человекъ!“ Не произносить ли этимъ Ницше приговоръ и самому себѣ, и всей своей философіи?

С. Левитскій.

1901 года.
30 Марта.
